

УДК 130.2
ББК 71.0

Гаврилина Лариса Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент;
доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики,
Московский государственный институт культуры,
ул. Библиотечная, д. 7, 141406 г. Химки, Российская Федерация
E-mail: gavrulina_larisa@mail.ru

ГЕНЕЗИС КАЛИНИНГРАДСКОГО ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-03-00797

Аннотация: В условиях развивающихся в современной культуре процессов «глокализации» большой исследовательский интерес вызывают локальные тексты культуры как форма репрезентации региональной идентичности, способ её конструирования, метод брендинга территорий. Особую актуальность приобретает изучение механизмов формирования локальных текстов, их генезис, соотношение возможностей целенаправленного конструирования и спонтанного формирования, роль культурно-исторического наследия. Указанные проблемы приобрели особую конфигурацию в условиях калининградской региональной субкультуры. Совокупность культурных текстов, сложившаяся на основе осмысления/переживания исторических и социокультурных реалий региона, представляет собой содержательное и языковое единство, которое позволяет говорить о формировании локального сверхтекста. Ядром текста, его фундаментом стала концептуализация отношения к довоенной истории края, к наследию чужой культуры, во взаимодействии с которой приходится жить калининградцам. Генезис калининградского локального текста восходит к послевоенному времени. Он складывался в виде двух субтекстов: идеологизированного, создававшегося целенаправленно «сверху» и спонтанно складывавшегося «снизу». Первый был построен на жёсткой оппозиции своего и чужого, на отрицании всего, что было связано с довоенной историей края. Второй — отразил интерес жителей к окружающей их культурной реальности и стал репрезентацией специфического калининградского образа мира. Долгое время он существовал в устном виде, в практико-ориентированных формах, получил широкую известность лишь в конце 1980-х гг., став основой калининградского локального сверхтекста.

Ключевые слова: культурное наследие, политика памяти, региональная субкультура, текст, локальный текст культуры, локальный сверхтекст, калининградский текст.

У моей малой родины немецкое прошлое,
русское настоящее, человеческое будущее.
Через Восточную Пруссию немецкая история
стала частью истории русской. И наоборот.
Ю. Буйда

Усиление внимания к пространству, к «локальному», «местному», своеобразная «топофилия» современной культуры являются отражением происходящих в ней парадигмальных изменений. В глубинной связи с ними находится и всплеск интереса к локальным или городским текстам культуры: к их исследованию и конструированию. Наиболее полно проанализирован петербургский текст, наряду с ним обсуждаются московский, пермский, крымский, сибирский, поморский и т.д. Предмет нашего внимания — калининградский текст, сложившийся в специфических социокультурных условиях российского эксклава и ставший манифестацией калининградской региональной субкультуры [1]. Совокупность культурных текстов, сложившаяся на основе осмысления/переживания исторических и социокультурных реалий региона, представляет собой содержательное и языковое единство, которое позволяет говорить о формировании *локального сверттекста*. Центрирующим калининградский сверттекст фундаментом стала концептуализация отношения к довоенной истории края, к наследию чужой культуры, во взаимодействии с которой приходится жить калининградцам.

На фоне развивающихся глобализационных процессов существенно усилилось внимание к культурному наследию, что отражает стремление скорректировать нарастающее преобладание универсалистских тенденций в развитии культуры. Специалисты считают, что в отношении к наследию в последние два – три десятилетия произошла «решающая ментальная трансформация», которая превратила его из пассивного начала в культуре, о котором нужно заботиться, в активный фактор культурного развития территорий [7, 20].

Заметно расширилось и само понятие культурного наследия, под которым понимают не просто совокупность памятников и традиций, но исторический и культурный ландшафт [16], технологии и традиционные формы природопользования, хозяйственные и культурные практики, институты и т.д. «Понятие и образ наследия постепенно приобретают большую многомерность, большую объемность... Подобный когнитивный переворот в понимании содержательной сущности наследия и особенностей развития его образа в культуре означает, что наследие, с одной стороны, может быть само по себе движущей силой, серьезным социально-экономическим, политическим фактором развития отдельных регионов и целых стран» [7, с. 79]. В российских регионах изменение отношения к культурному наследию проявилось в начале 1990-х гг., когда после развала Советского Союза и падения коммунистической идеологии регионы стали искать собственные опоры и ресурсы для развития. Историко-культурное наследие, которым обладает регион, стало рассматриваться как важнейший ресурс.

В условиях Калининградского региона эта общероссийская тенденция породила определённые коллизии, связанные с особенностями исторической судьбы области. До конца 1980-х гг. всё, что было на территории области, по остроумному выражению калининградского историка — «от Адама и до Потсдама», — в пространстве официальной культуры не получало никакого освещения, существовало множество запретов на упоминания, изображения, исследование довоенных объектов. Ни о каком довоенном «наследии» не могло быть и речи. Ситуация изменилась в начале 1990-х гг. В предисловии к изданной в 1993 г. книге стихов кёнигсбергских поэтов переводчик и составитель С. Симкин написал: «Для меня нет сомнений в том, что мы должны восстановить прерванную было связь времен, стать наследниками и того лучшего, доброго, светлого, что было на этой земле до нас. Мы, калининградцы, жители прекрасного города, где родились наши дети и внуки, считаем наследие немецкой культуры, в частности стихи кенигсбергских поэтов, — и нашим наследием и ни в какой мере не должны и не можем этим наследием пренебрегать» [18, с. 6]. Это утверждение переводчика о «наследии немецкой культуры», да и само издание книги вызвало неоднозначную реакцию.

В калининградской ситуации в отношении к прошлому культуры сложно переплелись два измерения. Одно из них — отношение к собственному культурно-историческому наследию, где основные коллизии разворачиваются в плоскости: традиции – инновации, старое – новое. Второе — отношение к довоенному прошлому края, которое строится в плоскости межкультурного взаимодействия, где конфликт развивался по линии: своё – чужое. Переселенцы пришли в Восточную Пруссию со своим собственным культурным багажом, с наследием своей культуры: ментальностью, ценностями, культурными практиками, социокультурными институтами, языком, картиной мира и т.д. Здесь они столкнулись с иным культурным миром: ландшафтом, системой землепользования, структурами повседневности — наследием чужой, вражеской культуры.

Уникальность калининградской ситуации состояла в том, что после депортации немецкого населения советским переселенцам пришлось вступать в межкультурную коммуникацию не с живыми носителями культуры, а с её предметной средой: природным и архитектурным ландшафтом, историческими памятниками, бытовой культурой, воплощённой в планировке жилищ, подворий, в домашней утвари и т.д. Они оказались в роли «человека без ключа», о котором писал Ю. Буйда в «Прусской невесте» [3]. Без ключа невозможно было попасть в закрытое для «чужого» пространство культуры. Легко открыть запертые двери мог бы носитель культуры, но таковых на территории области к 1948 г. не осталось. Из сферы межкультурного взаимодействия по понятным причинам абсолютно выпадали культурные и хозяйственные практики, социокультурные институты, ценности и нормы. Что-то было неприемлемо по идеологическим соображениям, что-то абсолютно не состыковывалось с особенностями собственной культуры, а что-то можно было перенять только у носителей культуры, которых на территории области после 1948 г. уже не было.

Безусловно, говорить о наследии довоенной культуры в калининградской ситуации нужно с очень большими оговорками, но не стоит бросаться и в другую крайность, отрицая всякое её влияние. Не было полноценного двустороннего диалога, но взаимодействие культур, пусть в усечённом объёме, происходило постоянно. Переселенцы имели дело не с немецкой культурой как таковой, а с частью восточно-прусской северо-немецкой культуры, причём в её предметном, материальном воплощении. Лишь со временем, в последние тридцать лет, у жителей Калининградской области появилась возможность более близкого знакомства и с духовными составляющими довоенной культуры региона. Изданы в русских переводах произведения кёнигсбергских поэтов, получило общественный резонанс творчество Э. Т. А. Гофмана, активно исследуется наследие И. Канта, стала широко известной орденская история региона. Военно-исторические реконструкции сражений при Прейсиш-Эйлау и Фридланде сделали их частью исторического сознания и образа мира многих калининградцев, как и фигуры королевы Луизы, герцога Альбрехта, Симона Даха, Канта, Гофмана. Понятен пафос профессора В. Грешных, когда он пишет о том, что «уважение к чужой культуре состоит не в безразборной краеведческой “всеядности”, а в глубоком, объективном изучении памятников прошлого, языка культуры, ее знака», — автор призывает не *смешивать прошлое и настоящее, чужое и своё* [5, с. 44]. С этим трудно не согласиться, но что делать, если многое уже прочно смешалось? «Смешно было бы услышать: *наш* философ Кант или *наш* прекрасный писатель Э. Т. А. Гофман» [5, с. 44], — справедливо замечает исследователь, написавший не одну прекрасную книгу о немецкой литературе, о немецком романтизме, о Гофмане в том числе. Конечно, Кант — *немецкий* философ, представитель *немецкой* классической философии, Гофман — *немецкий* поэт, писатель, музыкант. Но при этом они стали неотъемлемой частью калининградского образа мира, значимой частью калининградского текста. Они вошли в этот текст в каком-то *новом, совсем не немецком*, облике, в особом преломлении, через реалии русской культуры. Они стали символами Прошлого, Истории, Европейской цивилизации — своего рода «*значимыми Чужими*», если слегка переиначить известный термин¹. При этом — «своими Чужими», которые выполняют роль «значимого Другого». Показательной в этом отношении была выставка «Алхимия Гофмана», организованная Калининградским историко-художественным музеем в 2010 г. В экспозиции было представлено более двухсот работ молодых российских и немецких художников (работы 2009–2010-х гг.): иллюстрации к различным произведениям писателя, портреты, фантазии на тему «Гофман и Кёнигсберг». Несмотря на то что иллюстрации были сделаны к одним и тем же произведениям («Песочный человек», «Крошка Цахес», «Кавалер Глюк» и т.д.), бросился в глаза контраст между немецкой и российской частями экспозиции. Мир Гофмана, представленный в немецкой графике, жёсткий, напряжённый, опасный, чреватый страшными метаморфозами. В произведениях российских авторов мир произведений Гофмана сказочный, при-

¹ По данным социологов, более 60% опрошенных жителей области считают Канта главным символом области.

чудливый, увлекательный, пугающий, но не страшный, с частым обращением к теме двойничества. Калининградский, российский Гофман оказался совсем иным, чем немецкий.

Очевидно, что проблема культурного наследия в условиях калининградских реалий приобретает актуальность особого рода. Отношение к довоенному прошлому территории сыграло ключевую роль в сложении калининградского текста и формировании его особенностей. В данной работе нам хотелось бы обратиться к его истокам — к послевоенному времени, когда начинался процесс освоения новой территории и усилиями властей создавался некий идеологический конструкт, ставший первой версией калининградского текста.

Человек — существо, которое, как известно, живёт в двух мирах: природном, физико-биологическом и культурном, ценностно-символическом. Завоевание территории с помощью оружия и политических договорённостей было лишь первым шагом к полноценному овладению ею. Чтобы земля стала *своей*, необходимо выстроить на ней свой собственный «символический универсум». Это требует гораздо больше времени и усилий. В получившей ныне широкую известность работе «Социальное конструирование реальности» её авторы, П. Бергер и Т. Лукман, представители конструктивистского направления в социологии знания, утверждали, что «человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него доминирующей и определяющей реальностью» [2, с. 295]. Формирование символического универсума в трактовке авторов — сложный процесс, он включает множество составляющих: типизацию переживаний и опыта в языке, хабиутализацию (опривычивание), экстернализацию/интернализацию, седиментацию (закрепление социального опыта), институализацию и, наконец, легитимацию. Последнему авторы придают особое значение: «Легитимация создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам <...>, легитимация “объясняет” институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным значениям. Легитимация оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер» [2, с. 151, 153]. По сути, легитимация и создаёт символический универсум культуры, соединяя разрозненные фрагменты в единое целое. Каждая культура, в противостоянии, противодействии хаосу, нуждается в создании своего символического универсума, который «осуществляет исчерпывающую интеграцию всех разрозненных институциональных процессов. Все общество приобретает теперь смысл. Отдельные институты и роли легитимируются, благодаря их включению во всеобъемлющий смысловой мир» [2, с. 169]. Далее, через разные формы социализации и инкультурации человек приобщается к этому смысловому миру, формируется его идентичность, усваиваемая вместе с миром, как «размещение в определенном мире», происходит позиционирование себя по отношению к разным аспектам мира.

Создание символического универсума российской русской культуры на территории бывшей Восточной Пруссии означало попытку тем или иным образом соединить разнородные образования, фрагменты разных культур в какое-то единое целое.

Как? Это был вопрос вопросов. Нам представляется убедительным утверждение калининградского историка Ю. В. Костяшова, основанное на изучении большого количества документов 1940-х – первой половины 1950-х гг., о том, что у властей не было какой-то продуманной целостной концепции освоения новой территории: «...руководители и в Москве, и в Калининграде, — пишет он, — вполне искренне верили, что достаточно дать людям какое-никакое жильё, работу, небольшие льготы — и проблема адаптации переселенцев будет решена» [13, с. 77]. Существование первых советских переселенцев на территории бывшей Восточной Пруссии, Кёнигсбергской, а позже Калининградской области было чрезвычайно трудным не только из-за вызванных войной разрушений, нехватки продовольствия, одежды и т.д. Оно было психологически некомфортным в связи с ситуацией неопределённости, крайне противоречивым отношением к окружающей действительности. Упорядочивание, гармонизация окружающей действительности, придание осмысленности новому рождающемуся миру, формирование символического универсума было насущной проблемой, вопросом выживания.

Политика памяти, проводимая властью в 1940–1950-е гг., была, по сути, попыткой конструирования своеобразного калининградского локального текста. Текстовое воплощение эпохи — в газетных публикациях, материалах других СМИ, в лекционной пропаганде (тексты лекций, которые подлежали утверждению, сохранились в архивах) — хорошо изучено историками [6, 12, 13, 14, 15, 20]. Калининградский текст складывался в виде двух субтекстов: текста «сверху», политически ангажированного, создававшегося целенаправленно усилиями власти, и текста «снизу», существовавшего в устном виде и воссозданного современными исследователями в ходе опросов первых переселенцев — участников освоения области. Именно в таком сочетании содержание первого варианта калининградского текста может быть адекватно реконструировано.

Важной в данной реконструкции представляется небольшая по объёму работа Ю. Костяшова под символическим названием «Изгнание прусского духа» [13], посвящённая анализу процесса формирования исторического сознания населения Калининградской области в послевоенные годы. В предисловии авторы книги Ю. В. Костяшов и Э. Маттес пишут: «Стержневой проблемой регионального исторического сознания населения Калининградской области, по мнению авторов, является отношение к историко-культурному наследию Восточной Пруссии» [13, с. 4]. Это утверждение вызвало критику коллег-историков. В рецензии на книгу А. В. Золов настаивает, что на самом деле главной была «задача сохранения и развития в области *русского национального сознания* в условиях эксклавности и мощного цивилизационного воздействия на него исторического наследия и чуждого окружения <...>, сохранение своей *национальной самости, своей русской идентичности*, своих корней, своего родственного единства с исторической Родиной, со своим цивилизационным полем» [8, с. 248, 252]. Своей критикой рецензент, как ни странно, подтвердил вывод авторов книги. Ведь сформулированная им задача, безусловно, никак не могла быть решена без определения отношения к историко-культурному наследию. Более того, без определения этого отношения вообще невозможно было

само существование переселенцев на чужой для них земле. Каким должно и могло быть это отношение — другой вопрос. Основанием нового символического универсума должна была стать некая выработанная формула отношения к довоенному прошлому области, т. е. к тому наследию, которое досталось советским переселенцам вместе с землёй. Ситуацию первых послевоенных лет на территории созданной Калининградской области, по мнению Ю. В. Костяшова, определял острый социально-психологический, политико-идеологический и культурно-цивилизационный конфликт. Для людей, прошедших войну, потерявших близких, дом, это была *первая встреча* с вражеской землёй, она олицетворяла триумф победителей, но при этом была исполнена огромной горечи и ненависти. Казалось, в этой ситуации судьба оставшихся ценностей была решена раз и навсегда. Однако жизнь оказалась сложнее и мудрее.

На основе обширной литературы, посвящённой региональной проблематике, можно выявить основные мотивы, главные топосы первого варианта калининградского текста².

Восточная Пруссия — «логово фашистского зверя», «сердце прусского милитаризма», «мощный военный плацдарм». Всё, с чем сталкивались на этой земле победители, воспринималось в крайне *негативной окраске*, поскольку «концентрация ненависти к врагу здесь достигла максимума». Газеты «Правда» и «Известия» убеждали читателей, что на этой территории жил враг (лазутчики, контрабандисты, жандармы, диверсанты, воры, а также «жирные прусские офицеры»). *Мотив возмездия* стал основным в текстах многочисленных газетных публикаций, далёких от современных представлений о политкорректности: «Приятно видеть мертвого пруссака на его собственной земле — за Тильзитом и Гумбинненом, недалеко от Кёнигсберга, на дороге, ведущей к Берлину. Война вернулась на землю, ее породившую» [13, с. 12].

Кёнигсберг — «мрачный город-крепость», «разбойничье гнездо», «фабрика войн», «мрачнейшая цитадель фашистской реакции». Описание городов должны были вызывать отвращение. В Кёнигсберге и других городах области — «мрачные темные улицы», «молчаливые мрачные дворцы», «грязные пивнушки», «маленькие полутемные рестораны» и бесконечные казармы. Даже если и встречались «роскошные виллы и отели, утопающие в зелени», то в них жила и развлекалась «верхушка гитлеровских головорезов». Всё это подлежало полному уничтожению, чтобы стереть «с лица земли всю омерзительную погань пруссацкого юнкерства и фашистского изуверства».

Страшная картина опустошения. Степень разрухи, по мнению исследователя, даже иногда преувеличивалась, чтобы подчеркнуть, что советским людям пришлось начинать свою жизнь в области с «чистого листа». Разрушение активно продолжалось и в первые послевоенные годы, когда из Восточной Пруссии вывозили оборудование, инструменты, строительные материалы и т.д.

---

² Все цитаты в данном разделе текста, приведённые без сносок, взяты из указанной работы Ю. Костяшова [13].

«Старый Кёнигсберг — это мертвый город». Прежнего Кёнигсберга больше нет: «Трамвай везет нас по горбатым и узким улицам бывшего города. Бывшего, потому, что Кенигсберг действительно бывший город. Его не существует. На много километров открывается незабываемая картина развалин. <...> Старый Кенигсберг — это мертвый город. Его восстанавливать бесполезно. Легче, практичнее построить новый город» [11, с. 83].

Калининградская область — «крепость Советского союза на Западе» [13, с. 21]. Снова крепость, но уже в положительных коннотациях. Особый статус территории как пограничной зоны создавал множество ограничений для перемещения людей. Здесь протекала жизнь на вражеской территории, в окружении врагов: шпионов, диверсантов, саботажников, вредителей. Призывы к постоянной борьбе с врагами как внутри области, так и вне её заполняли газеты, листовки, плакаты, звучали с трибун. Нагнетание напряжённости в ожидании возможной войны создавало нарастающее чувство неуверенности у жителей.

Однако, чтобы жить на этой земле, нужно было как-то выстраивать с ней отношения, необходима была символическая, психологическая легитимация пребывания советских переселенцев на территории бывшей Восточной Пруссии. Собственно, она уже была развёрнута в тех формулах, что приведены выше: логово фашистского зверя, разбойничье гнездо — соответственно, его разрушение закономерно должно осознаваться как благо. Разруха и руины должны были в этом контексте восприниматься «с чувством глубокого удовлетворения», как результат правого дела. Теперь нужно «ногою твердой стать у моря» — создать свою мощную крепость. Только этой риторики было недостаточно, нужны были ещё какие-то обоснования, подтверждающие право на эту землю. Доводы юридические, как известно, не слишком властны над массовым сознанием, которое гораздо восприимчивее к мифологемам. Тут всплыла идея о **древней славянской земле**.

Идея о том, что территория бывшей Восточной Пруссии — древняя исконно славянская земля, была озвучена Сталиным на Тегеранской конференции в процессе обсуждения послевоенных границ. Позже брошенная вскользь фраза «стала не просто официальной точкой зрения, тысячекратно повторяемой в пропагандистской работе, но и руководящим указанием для специалистов и ученых, которые должны были развивать и научно обосновывать тезис вождя» [13, с. 28]. Насколько успешной была эта работа, можно судить по тому, что сентенция о славянской земле вошла даже в первое издание Большой советской энциклопедии. Несмотря на то что уже к середине 1950-х гг. эта идея была опровергнута учёными, в средствах массовой информации, в путеводителях она присутствовала достаточно долго. И сегодня славянское прошлое земли также всплывает достаточно часто на интернет-форумах и в экскурсиях местных гидов — массовое сознание с готовностью восприняло эту идею советского вождя.

Поскольку «история края представляла собой сплошное минное поле, где один неверный шаг мог иметь самые неприятные последствия» [13, с. 60], ситуация требовала активного развития политики памяти — производства социальных представлений о прошлом. Шаг за шагом отрабатывались основные вехи, расстав-

---

лялись новые акценты. Начало немецкого периода истории этой земли прочно связывалось с кровавыми событиями, когда «**тевтонские псы-рыцари огнем и мечом завоевали землю**», уничтожив мирных язычников-славян/пруссос, которые оказывали мощное сопротивление захватчикам, но силы были неравными. Неправедное деяние — жестокое истребление мирных народов — давало повод для возмездия и радости от того, что оно свершилось. Справедливость, много веков спустя, восторжествовала.

«**Под Российской короной**». Любимой и сильно акцентированной страницей истории было вхождение Восточной Пруссии в состав Российской империи после семилетней войны. Наиболее значимые мотивы этого нарратива: почти пять лет здесь была Российская империя, губернатором Восточной Пруссии был отец русского полководца А. Суворова, все граждане Кёнигсберга (и даже Кант!) присягали на верность Елизавете и были подданными Российской империи.

Российско-прусское сотрудничество в борьбе с Наполеоном — также очень значимый мотив в развитии темы исторических связей России и Пруссии в прежние времена: знаменитые сражения, мужество и героизм российских солдат, Тильзитский мир, Император Александр I, Наполеон, королева Луиза.

В основе конструируемого властью символического универсума лежали две простые, однозначные идеи, которые в разных вариантах, на различных фактах демонстрировали участники этого процесса. Первая касалась оценки прошлого края: нехорошие бывшие хозяева этой земли (псы-рыцари, немецкое пруссачество, фашисты), неправедным путём получившие эту землю, закономерно изгнаны. Вторая оценивала новые перспективы: передача (иногда — возвращение) этого края СССР — закономерный (земля полита кровью наших воинов) и важный шаг в укреплении границ страны и построении здесь светлого социалистического будущего. Протицируем обращение к жителям области трижды Героя Советского Союза А. Покрышкина, опубликованное в апреле 1948 г. в газете «Калининградская правда»: «9 апреля 1945 года доблестные советские воины штурмом овладели городом и крепостью Кёнигсберг. *Город-хищник, цитадель реакционной военицины*, осиное гнездо прусских захватчиков перестал существовать. Родился новый советский город — Калининград. <...> Нет больше Восточной Пруссии, есть цветущая социалистическая Калининградская область. Патриоты, съехавшиеся сюда со всех концов нашей страны, осуществляют мирную программу хозяйственного, политического и культурного строительства новой области» [17, с. 7]. Политика памяти была направлена на то, чтобы закрепить негативные представления о прошлом края и сформировать позитивную уверенность в его светлом будущем. Поскольку прошлое всё-таки постоянно напоминало о себе всей окружающей действительностью, нужно было вести работу по изменению культурного ландшафта, прежде всего в его символической составляющей (памятники, названия, надписи, храмы). Нужно было работать *с текстом города*.

Рассматривая послевоенный город как текст, заметим, что приведённая нами выше первая версия калининградского текста мало связана с реальным *местом*. Она была основана на идеологических клише, за которыми можно представить любой

культурный ландшафт. Некоторую связь с реальным Кёнигсбергом можно было проследить лишь в частых упоминаниях города-крепости (мощный замок в центре, большое число оборонительных сооружений, образующих несколько концентрических кругов вокруг города). Всё остальное отсылало к истории, событиям, здесь происходившим, но не к конкретному городу, ландшафту, пространству. Город же, хоть и сильно руинированный, всё же существовал, в нём жили теперь советские люди, знакомились с ним, узнавали имена его улиц и районов, ворот и храмов. Эта атмосфера узнавания, вхождения в новую реальность прекрасно воссоздана в романе «Ганцы в крематории» калининградского писателя Ю. Иванова [9], оказавшегося в Кёнигсберге в апреле 1945 г.

Что представлял собой город после бомбардировок августа 1944-го и штурма в апреле 1945-го, можно увидеть на послевоенных фотографиях, он запечатлен в серии акварельных зарисовках А. Максимова, его образ можно воспроизвести по воспоминаниям очевидцев, в том числе первых переселенцев. Эти источники отторгали официальный «текст сверху», они долгое время были под гласным и негласным запретом. Зарисовки, фотографии делались часто с риском если не для жизни, то для карьеры. Симптоматична в данном контексте история создания акварелей А. Максимовым, который, будучи первым главным архитектором Калининграда, вынужден был скрывать свой интерес к руинам Кёнигсберга. Архитектор рассказывал, как он, стараясь остаться незамеченным, ранним утром втайне от всех рисовал разрушенный войной город. Сегодня его рисунки, выполненные твёрдой рукой профессионала, представляют собой бесценный исторический документ³. Сходные истории могли бы рассказать многие старожилы Калининграда.

Множество интереснейших деталей, характеризующих образ города, были озвучены в воспоминаниях первых советских переселенцев, записанных калининградскими историками и ныне ставшими бесценным историческим источником [6, 12]. Этот большой материал нуждается в анализе, но уже сейчас понятно, что образ Кёнигсберга, сложившийся у переселенцев, не укладывался в жёсткие идеологические клише «города-хищника» и «мрачнейшей цитадели фашистской реакции». М. Клемешева, анализируя интервью, выделила наиболее важные мотивы в рассказах первых переселенцев. Оказалось, что более всего людей потрясли три момента: масштабы разрушений, необычность архитектуры и красота природы [12].

Выделим наиболее существенные смысловые доминанты формирующегося калининградского «текста снизу». Во-первых, для переселенцев это был *чужой город*, вражеский город. Он и настораживал, и вызывал интерес. Много было «не как у нас»: другая планировка, архитектура. Что-то нравилось, вызывало восхищение, что-то, напротив, угнетало. Сошлёмся на мнение очевидца: «В дождливую погоду город производил унылое впечатление. Давил узостью улиц, суровостью построек. В такие дни было ощущение временности пребывания и особенно чувствовалось, что мы — чужие здесь» [6, с. 158]. Во-вторых, это был сильно *разру-*

---

³ Сегодня более двадцати листов с акварелями А. Максимова находятся в фондах Калининградской художественной галереи.

шенный город: город-скелет, город-руины: «Центр города был буквально погребен под горами кирпича и железа. От величественного Королевского замка остался мощный каленый фундамент. Ввысь вздымалась еще не совсем оголенная башенная лестница; наверху висел колокол» [6, с. 161]. Сильные разрушения, повсеместные руины контрастировали с обилием зелени и чистотой улиц. Это, может быть, единственное, что совпадало с официальным, написанным идеологами текстом «сверху». В-третьих, это был *красивый европейский город* с непривычной для русского глаза архитектурой. Как ни странно, руины не смогли заслонить его красоту. Красота, порядок и множество цветов — то, что фигурирует в интервью чаще всего. Переселенцы часто упоминают «немецкие дома как теремки», «церкви из красного кирпича», узкие улицы [12, с. 138]. «Поразила особая мощь построек, твердость и неприступность, и в то же время — легкость». Но, наверное, больше, чем город, понравились его окрестности: «Какая тут красота была! Это была сказка! Хуторочки целенькие, прямо как игрушечные. Красивые, маленькие старинные домики, как из сказок Гофмана. Кругом пионы, вишни» [12, с. 138]. В-четвертых, это был очень *зелёный город*, город-сад, со множеством цветов. «Город утопал в зелени». В-пятых, это был *очень чистый город*, несмотря на руины и развалины (об этом парадоксе говорят многие переселенцы). Обратили внимание переселенцы на военизированный характер края: «...у немцев все было сделано для войны: блиндажи, крепости, валы» [12, с. 141], на более высокий уровень жизни, лучшие бытовые условия и более мягкий, чем в центральной России, климат.

В целом, восприятие переселенцами нового края — города и области — было сложным, противоречивым, но далеко не столь негативным, как предполагалось в официальном «тексте сверху». Многие моменты вызвали восхищение, что не могло не настораживать власть. Развернувшаяся в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Советском Союзе борьба с космополитизмом в Калининградской области приняла форму борьбы с восточно-прусским наследием: «Сам облик города говорит о крайне низком уровне немецкой буржуазной культуры. Дома казарменного типа, дом-коробки, окрашенные мрачными тонами, достаточно характеризуют мещанскую безвкусицу немецких бюргеров» [13, с. 72]. Сегодня достаточно подробно описаны и процессы борьбы с памятниками, и битва символов, стали известны документы, на основании которых эта борьба происходила⁴. Были демонтированы памятники Бисмарку у Королевского замка, конный памятник Вильгельму Фридриху III в Королевском саду. Сохранены памятники Шиллеру и Барклаю де Толли, могила Канта. Среди установленных новых памятников — обелиски на братских могилах, которые появились в области в огромном количестве, начиная с 1946 г. На втором месте по численности — скульптурные монументы вождям: Ленину, Сталину, Калинин, а также памятники русским и советским военачальникам: А. Суворову, генералу И. Черняховскому (г. Черняховск).

⁴ Обширный материал представлен в сборниках «Балтийский альманах» (Вып. 1–9) и «Калининградские архивы» (Вып. 1–8). URL: <http://www.klgd.ru/city/history/almanac/a1.php> (дата обращения: 12.09.2015).

Первый вариант калининградского текста, который формировался волею властей, «сверху», содержательно был построен на жёсткой оппозиции старого и нового, довоенного и послевоенного, немецкого и советского. Он складывался в первое десятилетие после войны, слегка корректировался в последующие два десятилетия. Сильно идеологизированный и оторванный от *места*, от реального жизненного пространства, не будучи укоренённым ни в пространстве культуры, ни в сознании людей, он не стал полноценным локальным текстом. По-видимому, его нужно определять как *политический дискурс*, который завершился, когда исчезли соответствующие условия, его породившие. Параллельно с ним складывался другой текст, формировавшийся «снизу», существовавший в устном виде и в практически ориентированных формах. Калининградцы рассматривали и сохраняли открытки, картины, посуду — не только бытовую утварь, но и символические объекты прежней культуры. Это не афишировалось, однако, когда времена изменились, вдруг выяснилось, что у многих старожилов области — целые коллекции довоенных артефактов, окружённые полумифическими сведениями. Этот неистребимый, захватывающий дух, будоражащий воображение интерес переселенцев к неизвестному, непонятному, «заколдованному» чужому прошлому прекрасно описан в рассказах Ю. Буйды [3], в романе Ю. Иванова [9]. В этом исподволь складывавшемся тексте город был иным, нежели его репрезентация в официальном тексте «сверху»: дома, вовсе не такие уж мрачные, как в газетных формулах, улицы, утопающие в зелени, множество цветов, чистота и порядок, несмотря на руины и развалины. И этот городской текст входил в противоречие с официальными политизированными клише. Он получил широкую известность лишь в конце 1980-х гг., когда были сняты многие запреты и ослабло влияние коммунистической идеологии. На его основе в 1990-е гг. сложился *калининградский локальный сверттекст* [4].

Культурное наследие, доставшееся советскому государству вместе с территорией Восточной Пруссии, представляло большую политико-идеологическую и культурную проблему. Наверное, власти с удовольствием избавились бы от него, если бы это было возможным, но кирхи и замки не депортируешь в Германию, как оставшихся на территории края немцев. Поэтому власть широко использовала политику памяти для формирования соответствующего отношения к прошлому.

Однако проблема имела и социокультурное измерение. Для иллюстрации воспользуемся моделью культуры М. С. Кагана, в которой она представляется как сложная система, чьё саморазвитие обеспечивается взаимодействием трёх модальностей [10]. Первая — *человеческая модальность* (мир человеческого сознания, навыки мышления и чувствования, совокупность смыслов и ценностных ориентаций, ментальность — «сверхприродные» качества человека, которые формируются в социокультурных практиках). Вторая — *процессуально-деятельностная модальность* («сверхприродные» способы деятельности, особенности поведения, общения, в процессе которых происходят объективация и интериоризация смыслов и ценностей). Третья — *предметная модальность* (весь созданный человеком искусственный мир, в котором воплощены смыслы первой, человеческой модальности). Все модальности могут существовать только во взаимодействии друг

с другом. В послевоенном Кёнигсберге/Калининграде, в первые десятилетия после войны, ситуацию в регионе определяла возникшая дисгармония во взаимодействии модальностей. Первые две модальности: внутренняя человеческая и процессуально-деятельностная — были русскими советскими, а внешняя, предметная модальность — чужой, немецкой, что делало существование культуры крайне противоречивым и конфликтным. Культура, как саморазвивающаяся система, не может благополучно существовать в таких условиях, три модальности должны были прийти к некоей гармонии. Взаимодействие началось с противостояния: новая культура пыталась уничтожить следы старой, воспроизвести свою собственную предметную модальность, соответствующую внутреннему миру переселенцев, что вполне закономерно с точки зрения механизмов развития культуры. Именно поэтому последовательно уничтожались прежде всего наиболее семантически значимые объекты: памятники, кирпичи, замки и т.д. Утилитарные объекты: заводы, фабрики, дома — не вызывали столь острой реакции неприятия.

Постепенно ситуация стала меняться: противостояние стало уступать место другим типам взаимодействия. С одной стороны, существенно преобразилась предметная модальность, в ней появились приметы российской культуры, с другой стороны, внутренняя культура (человеческая модальность) также трансформировалась под влиянием внешней, предметной модальности. Сложился символический универсум новой калининградской культуры.

Немецкий исследователь Б. Хоппе, основываясь на обширном архивном материале, показал трансформацию отношений к восточно-прусскому наследию в области архитектуры. Всё начиналось с резкого отрицания, полного отказа что-либо восстанавливать в прежних формах, поскольку советский социалистический город «как день от ночи отличается от мрачных и уродливых немецких городов» [20, с. 84]. В первом реестре памятников культуры 1949 г. были воинские захоронения и памятники павшим военным. Из довоенных объектов была внесена лишь могила Канта у руин собора. В списке 1957 г. уже присутствовали городские ворота Кёнигсберга, несколько храмов, руины кафедрального собора на острове и здания Биржи. Со временем здания довоенной постройки стали восприниматься как «достойные быть сохранёнными приметы региональной особенности» [20, с. 85].

Сегодня, почти 70 лет спустя, исследователи фиксируют наличие особой калининградской идентичности и ведут речь даже о формирующемся феномене калининградской ментальности, специфика которой наиболее ярко проявляется в образе мира, особенностях восприятия культурного ландшафта, социального пространства и времени. Калининградская региональная субкультура, сложившаяся как часть русской российской культуры, является отражением состояния «цветущей сложности» большой национальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Андрейчук Н. В., Гаврилина Л. М.* Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2011. 139 с.

- 2 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Московский философ. фонд, 1995. 322 с.
- 3 Буйда Ю. Прусская невеста. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 308 с.
- 4 Гаврилина Л. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. Вып. 6. Сер. Гуманитарные науки. С. 75–83.
- 5 Грешных В. «Магический мир» литературы Восточной Пруссии // Вестник КГУ. 2000. № 1. С. 41–49.
- 6 Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб.: Изд-во «Бельведер», 2002. 272 с.
- 7 Замятин Д. Н. Образ наследия в культуре. Методологические подходы к изучению понятия наследия // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 75–82.
- 8 Золов А. В. «Изгнание прусского духа» // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Научный сборник. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. Вып. 6. С. 248–252.
- 9 Иванов Ю. Танцы в крематории: десять эпизодов кенигсбергской жизни. Калининград: ИП Мишутина И. В., 2006. 400 с.
- 10 Каган М. С. Философия культуры: научное издание. СПб.: Петрополис, 1996. 414 с.
- 11 Калининград: Литературно-художественный и общественно-политический сборник. Калининград: Калининградская правда, 1951. 127 с.
- 12 Клемешева М. Первые впечатления переселенцев о новом крае (по материалам интервью) // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Калининград: Гос. архив Калининградской обл., 2003. Вып. 4. С. 136–145.
- 13 Костяшов Ю., Маттес Э. Запрещенное воспоминание. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 162 с.
- 14 Костяшов Ю. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1056 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.
- 15 Кретинин Г. В. Под российской короной, или Русские в Кенигсберге. Калининград: Кн. изд-во, 1996. 175 с.
- 16 Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дм. Буланин, 2004. 617 с.
- 17 Максимов О. Калининград. Эпизоды истории: фотоальбом. Калининград: Живём, 2009. 208 с.
- 18 «Свет ты мой единственный» = DU MEIN EINZIG LICHT: Стихи кенигсбергских поэтов / сост. и пер. С. Х. Симкина. Калининград: Кн. изд-во, 1993. 319 с.
- 19 Спивак М. «Немецкое прошлое, русское настоящее...» Восточнопрусский текст Юрия Буйды // На перекрестке культур: русские в Балтийском регионе. Вып. 7: в 2 ч. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Ч. 1. С. 214–230.
- 20 Хоппе Б. «Злой город» или часть собственной истории? Об отношении к немецкой архитектуре в Калининграде после 1945 г. // Кенигсберг – Калининград: город, история: сб. науч. ст. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 82–91.
- 21 Шульгин П. М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития // Мир России. 2004. Т. XIII, № 2. С. 115–133.

Gavrilina Larisa Michailovna,
PhD in History, Associate Professor;
Cultural theory, ethics and aesthetics department,
Moscow State Institute of Culture,
Library str. 7, 141406 Khimki, Russian Federation
E-mail: gavrilina_larisa@mail.ru

GENESIS OF THE KALININGRAD TEXT: THE PROBLEM OF CULTURAL HERITAGE

Abstract: The local texts of culture as a form of text representation of regional identity, the process of its construction and the method of branding territories are of the great research interest in contemporary culture in the context of «glocalization». Especially important is the study of the mechanisms of formation of local texts, their genesis, value and the features of targeted design and spontaneous formation, the role of cultural and historical heritage. These problems become particularly configured under the Kaliningrad regional subcultures. The set of cultural texts, developed on the basis of understanding/experience of historical and socio-cultural realities of the region, is a substantial and linguistic unity, which suggests the formation of a local supertext. The core of the text, its foundation was the conceptualization of the relationship to the pre-war history of the region, the legacy of a foreign culture, in conjunction with which the Kaliningrad residents have to live. The genesis of the local Kaliningrad text dates back to the post-war period. It is formed by two subtexts: an ideologized one, created by those who are on «top» and a spontaneous one, emerging «from below». The first was built on stiff opposition and the rejection of all that was related to the pre-war history of the region. The second one reflects the interests of the inhabitants of the surrounding cultural reality and representation of the specific regional image of the world. For a long time it existed in an oral form in practice-oriented forms, and was widely known only in the late 80s and became the basis of the local Kaliningrad text.

Keywords: cultural heritage, politics of memory, a regional subculture, text of culture, local text of culture, Kaliningrad text.

REFERENCES

- 1 Andreichuk N. V., Gavrilina L. M. *Fenomen kaliningradskoi regional'noi subkul'tury (sotsial'no-filosofskii i kul'turologicheskii analiz)* [Phenomenon of the Kaliningrad regional subcultures (socio-philosophical and cultural analysis)]. Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta Publ., 2011. 139 p.
- 2 Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [The Social Construction of Reality. A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow, Moskovskii filosof. Fond Publ., 1995. 322 p.
- 3 Buida Iu. *Prusskaia nevesta* [Prussian Bride]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 308 p.
- 4 Gavrilina L. Kaliningradskii tekst v semioticheskom prostranstve kul'tury [Kaliningrad text in semiotic space of culture]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im.*

- I. Kanta* [Herald of Baltic Federal University]. Kaliningrad, Izd-vo BFU im. I. Kanta Publ., 2011, issue 6, ser. Gumanitarnye nauki, pp. 75–83.
- 5 Greshnykh V. «Magicheskii mir» literatury Vostochnoi Prussii [«Magical World» of the literature of East Prussia]. *Vestnik KGU* [Herald of the KSU], 2000, no 1, pp. 41–49.
  - 6 *Vostochnaia Prussiiia glazami sovetskikh pereselentsev: Pervye gody Kaliningradskoi oblasti v vospominaniakh i dokumentakh* [East Prussia through the eyes of Soviet immigrants: The first years of the Kaliningrad region in the memoirs and documents]. St. Petersburg, Izd-vo «Bel'veder» Publ., 2002. 272 p.
  - 7 Zamiatin D. N. Obraz naslediiia v kul'ture. Metodologicheskie podkhody k izucheniiu poniatiia naslediiia [Image of heritage in culture. Methodological approaches to the study of the concept of heritage]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 2010, no 2, pp. 75–82.
  - 8 Zolov A. V. «Izgnanie prusskogo dukha» [«Expulsion of the Prussian spirit»]. *Kaliningradskie arkhivy: Materialy i issledovaniia. Nauchnyi sbornik* [Kaliningrad archives: Materials and Research. Scientific publication]. Kaliningrad, Izd-vo KGU Publ., 2003, issue 6, pp. 248–252.
  - 9 Ivanov Iu. *Tantsy v krematorii: desiat' epizodov kenigsbergskoi zhizni* [Dancing in the crematorium: Ten episodes of the life of Koenigsberg]. Kaliningrad, IP Mishutina I. V. Publ., 2006. 400 p.
  - 10 Kagan M. S. *Filosofia kul'tury: nauchnoe izdanie* [Philosophy of Culture: scientific publication]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. 414 p.
  - 11 *Kaliningrad: Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii sbornik* [Kaliningrad: Literary and socio-political collected works]. Kaliningrad, Kaliningradskaia Pravda Publ., 1951. 127 p.
  - 12 Klemesheva M. Pervye vpechatleniia pereselentsev o novom krae (po materialam interv'iu) [The first immigrants impressions about the new territory (based on interviews)]. *Kaliningradskie arkhivy: Materialy i issledovaniia* [Kaliningrad archives: Materials and Research]. Kaliningrad, Gos. arkhiv Kaliningradskoi obl. Publ., 2003, issue 4, pp. 136–145.
  - 13 Kostiashev Iu., Mattes E. *Zapreshchenoe vospominanie* [Prohibited memory]. Kaliningrad, Izd-vo KGU Publ., 2003. 162 p.
  - 14 Kostiashev Iu. *Sekretnaia istoriia Kaliningradskoi oblasti. Ocherki 1945–1956 gg.* [Secret History of the Kaliningrad region. Essays of 1945–1956]. Kaliningrad, Terra Baltika Publ., 2009. 352 p.
  - 15 Kretinin G. V. *Pod rossiiskoi koronoi, ili Russkie v Kenigsberge* [Under the Russian crown, or Russias in Koenigsberg]. Kaliningrad, Kn. izd-vo Publ., 1996. 175 p.
  - 16 *Kul'turnyi landshaft kak ob"ekt naslediiia* [The cultural landscape as a heritage site]. Moscow, In-t Naslediiia; St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2004. 617 p.
  - 17 Maksimov O. *Kaliningrad. Epizody istorii: fotoal'bom* [Kaliningrad. Episodes in the history: photo album]. Kaliningrad, Zhivem Publ., 2009. 208 p.
  - 18 «*Svet ty moi edinstvennyi*» = *DU MEIN EINZIG LICHT: Stikhi kenigsbergskikh poetov* [«You are my only light» = DU MEIN EINZIG LICHT: Poems by Poets from Koenigsberg], comp. and trans. S. Kh. Simkina. Kaliningrad, Kn. izd-vo Publ., 1993. 319 p.
  - 19 Spivak M. «Nemetskoe proshloe, russkoe nastoiashchee...» Vostochnoprusskii tekst Iuriiia Buidy [«German past, Russian present ...» East Prussian lyrics of Yuri Buida]. *Na perekrestke kul'tur: russkie v Baltiiskom regione* [At the crossroads of cultures: Russians

-
- in the Baltic region]. Issue 7: in 2 parts. Kaliningrad, Izd-vo KGU Publ., 2004, part 1, pp. 214–230.
- 20 Khoppe B. «Zloi gorod» ili chast' sobstvennoi istorii? Ob otnoshenii k nemetskoj arkhitekture v Kaliningrade posle 1945 g. [«A Wicked City» or the part of their own history? On the attitude to the German architecture in Kaliningrad since 1945]. *Konigsberg – Kaliningrad: gorod, istoriia: sb. nauch. st.* [Konigsberg – Kaliningrad: city, history: selected research papers.] Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta Publ., 2005, pp. 82–91.
- 21 Shul'gin P. M. Istoriko-kul'turnoe nasledie kak osobyi resurs regiona i faktor ego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia [Historical and cultural heritage as a special resource in the region and the factor of its social and economic development of Russia]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2004, vol. XIII, no 2, pp. 115–133.